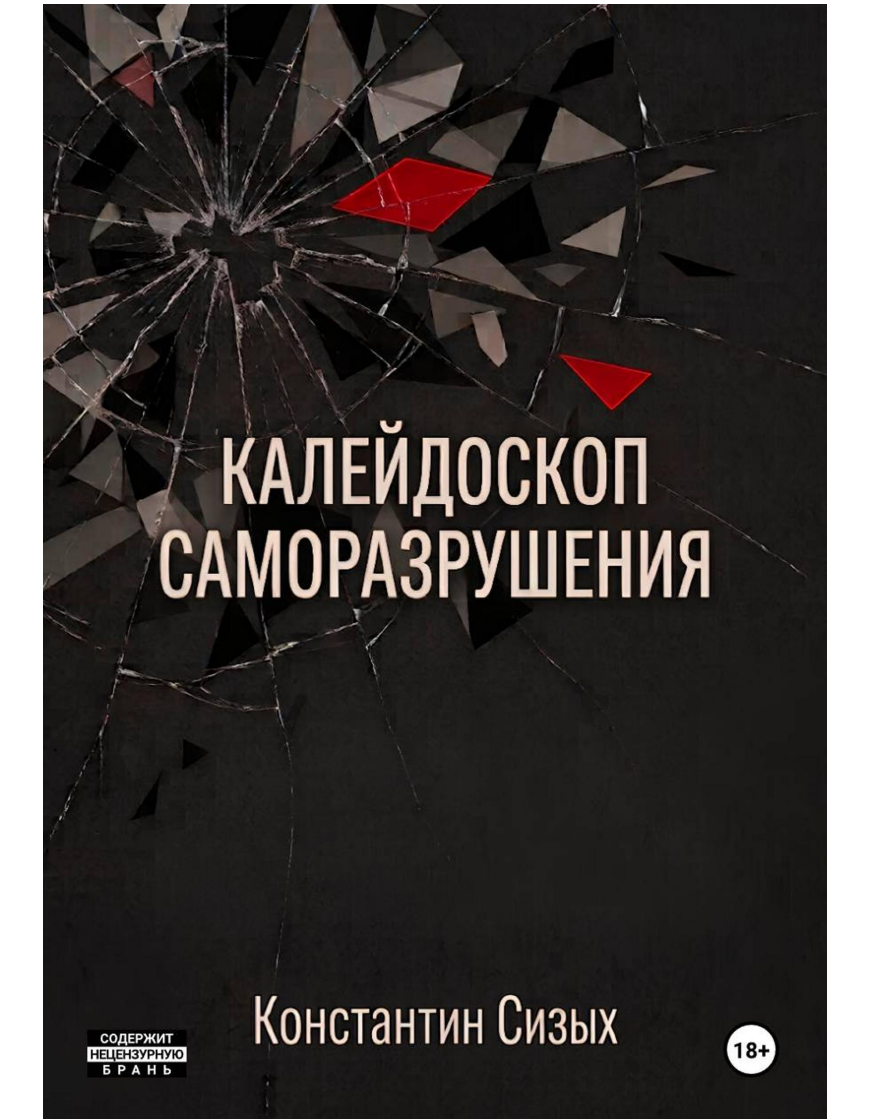




КАЛЕЙДОСКОП САМОРАЗРУШЕНИЯ

Константин Сизых

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Сизых

Калейдоскоп саморазрушения

<https://litres.ru/74548137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это хроника одной осени из жизни человека, который не пытается ничего исправить — просто методично уничтожает себя и фиксирует это с той же интонацией, с какой пересказал бы, что было на завтрак. Похмелье, работа, случайные люди и связи, случайная жестокость. Просто злой и смешной взгляд на себя самого.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Константин Сизых

Калейдоскоп саморазрушения

ГЛАВА 1

Будильник орал с таким энтузиазмом, будто у него в роду были палачи-инквизиторы. Я открыл один глаз и сразу же пожалел об этом: солнце бесцеремонно ввалилось в мою комнату, высвечивая пустые бутылки — мои трофеи в очередной проигранной войне со здравым смыслом. Говорят, алкоголь убивает клетки мозга. Мои, видимо, оказались слишком гордыми, чтобы просто сдохнуть, и теперь устроили зомби-апокалипсис.

Я нащупал на тумбочке помятую пачку сигарет — мой завтрак чемпионов. Первая затяжка после такой ночи всегда на вкус как будто кто-то использовал твой рот вместо пельницы, но именно она возвращает меня в этот мир, где всё устроено по-идиотски.

Я посмотрел в зеркало. Оттуда на меня глядел человек, который мог бы спасти человечество, если бы оно того стоило, но вместо этого он просто пытался вспомнить имя де-

вушки, спящей на другой половине кровати. Кажется, она была из тех, кто верит в гороскопы и спасение души. Бедняжка. Она ещё не знала, что легла в постель с ходячей социальной катастрофой, чей единственный план на сегодня — не сгореть от тупости людей и найти повод не соглашаться ни с чем, что скажет этот чёртов мир.

До работы я обычно хожу пешком или беру такси, но сегодня финансы и похмелье решили за меня — пришлось ехать на автобусе. Люди прижимались друг к другу с таким отчаянием, будто это единственный способ не рассыпаться. Я стоял среди них, пахнувший вчерашним виски и чувствовал себя биологом, изучающим колонию очень грустных грибов.

Мой офис встретил меня запахом кофе и фальшивыми улыбками. Это было мое четвертое место работы за год. Или пятое? Я перестал считать после того, как из предыдущей конторы меня уволили за «недостаток корпоративного духа». Оказывается, фраза: «Ваша стратегия развития выглядит так, будто её родили в муках во время группового изнасилования остатков моего рассудка», задела чьи-то нежные чувства.

На моем столе лежала стопка бумаг, красноречиво намекающая, чем я должен заниматься ближайшие восемь часов.

— Доброе утро, — пропела Лена из бухгалтерии, женщина, чья жизнерадостность была настолько неестественной, что я подозревал её в связях с наркокартелями. — Ты сегодня снова выглядишь... помятым?

Я посмотрел на неё, чувствуя, как колотится похмельное сердце и трясутся руки.

— Я выгляжу как человек, который выжил исключительно назло этой вселенной. Кофе есть?

Планёрка в понедельник — это особый вид групповой терапии для тех, кто окончательно разочаровался в жизни, но всё ещё боится ипотеки. Наш шеф, человек с харизмой варёной сосиски и амбициями Наполеона, увлечённо что-то объяснял и ходил из стороны в сторону. Он обожал нарушать границы: наклонялся почти вплотную, обдавая собеседника дыханием с запахом разложения, будто внутри него уже давно что-то сдохло, но забыло об этом сообщить.

Я чувствовал, что мой «завтрак чемпионов» начинает вступать в реакцию с его ароматами. В кармане пиджака звякнула плоская фляжка — мой верный союзник в этом сером симуляторе жизни. Я решил, что глоток «живой воды» — это вопрос выживания, а не каприза.

— ...и поэтому, — вещал шеф, раздувая щёки, — нам нужно проявить синергию и выйти из зоны комфорта! Артём, ты согласен?

Вместо ответа я вытащил фляжку, со скрипом открутил крышку и демонстративно приложился к горлышку на глазах у опешившего Геннадия Петровича. По кабинету поплыл густой сивушный туман. Шеф поперхнулся своей «синергией» и начал медленно наливаясь цветом перезрелой свеклы.

— Знаете, Геннадий Петрович, — начал я, и мой голос

прозвучал подозрительно звонко в онемевшей комнате, — ваша «синергия» напоминает попытку трахнуть труп в надежде, что он забеременеет успехом. Мы не выходим из зоны комфорта, мы в ней никогда и не были. Мы по уши в зоне ментальной диареи, где каждый отчёт пахнет одинаково хреново. Ваша стратегия — это не путь к процветанию, это просто детальная инструкция по коллективному погружению в дерьмо.

Я решил эффектно развернуться и уйти, но вестибулярный аппарат, до этого хранивший нейтралитет, внезапно объявил забастовку. Меня качнуло. Чтобы не позорно рухнуть обратно на стул, я выкинул руку в сторону и с размаху влепил локтем по стеклянному графину. Он опрокинулся прямо на новенький макбук шефа. Сочный электрический треск, едкий дым — а я тупо уставился на то, как догорает чужая дорогая игрушка.

— Кажется, я увольняюсь, — буркнул я и посмотрел на багровое лицо шефа. — Можете вычесть стоимость из моей последней зарплаты. Если, конечно, её на это хватит.

Я двинулся к выходу, стараясь не задевать косяки. Я знал, что за этой дверью меня ждет свобода, пустота в кармане и ещё несколько лет увлекательного ничегонеделания.

Двери бизнес-центра выплюнули меня на тротуар с таким облегчением, будто избавились от инородного тела. Солнце всё ещё светило, но теперь оно казалось не таким враждебным — скорее, оно просто подсвечивало декорации к оче-

редному дню, просранному с особым цинизмом. Прямо перед моим носом висела табличка: «Курение на территории центра строго запрещено. Штраф — 5000 рублей». Табличка так гордилась своей важностью, что мне стало её искренне жаль.

Я достал сигарету. Пальцы едва заметно дрожали. Я щёлкнул зажигалкой прямо под надписью «запрещено». Охранник в дешёвой форме сделал шаг в мою сторону, открывая рот. Я не стал его слушать. Я просто выпустил густую струю дыма прямо в его сторону.

— Мужчина, вы читать умеете? — наконец выдавил охранник, тыча пальцем в знак. — Умею, — ответил я, стряхивая пепел на идеально подметённый гранит. — Просто у меня сегодня плохой день для хороших манер.

Я развернулся и зашагал прочь. Впереди была пустота, а в кармане — полпачки сигарет и горький привкус очередной глупой победы. Это было чертовски паршивое начало новой жизни. И именно поэтому оно мне нравилось.

Я шел по улице, и дым сигареты казался мне единственной настоящей вещью в этом городе. В витрине промелькнуло мое отражение. Я остановился, разглядывая этого помятого типа и пытаюсь найти в нем того двенадцатилетнего пацана, который верил: если быть вежливым, мир ответит тем же.

Мир ответил — кулаками в школьной раздевалке и снисходительными похлопываниями по плечу. В двенадцать лет

я провел свой первый эксперимент по превращению золота в свинец. Я взял свою доброту, смешал её с первой дешёвой сигаретой и залил дрянным алкоголем.

Оказалось, что «худшая версия меня» заходит этому миру на ура. Стоило мне начать хамить, пить и забивать на чужие правила, как в глазах людей появился тот самый интерес, которого я так долго выпрашивал хорошими манерами. Девчонки стали смотреть по-другому, а мудаки всех мастей начали аккуратно сдавать назад. Наглость оказалась куда более надёжным пропуском в жизнь, чем любая вежливость.

С тех пор я так и живу в этом костюме циничной твари. Он жмёт в плечах, в нём жарко и воняет табаком, но зато это броня. В ней меня больше никто не назовёт слабаком и никто не проверит, где у меня предел терпения. Мой сучий характер — это просто цена за то, чтобы больше никогда и никого не бояться.

После увольнения я купил две банки пива и приземлился на обшарпанную лавку в сквере. Солнце медленно сползло за крыши, как пьяница по стенке. Я сделал глоток и почувствовал привычную стену безразличия. Но тишину разрезал характерный звук — противный смех подростков, которые почувяли слабость.

В паре метров от меня троица пятнадцатилетних недоносков зажала пацана лет десяти. В глазах малого я увидел не просто страх — там было крушение веры в то, что мир безопасен.

«Не лезь, — шепнул мне внутренний циник, — допей пиво. Пусть привыкает. Мир — это помойка».

Я затаился сигаретой, глядя, как один из этих «альфа-самцов» легонько толкнул мелкого. Мои тридцать пять лет против их пятнадцати. Я медленно встал. Колени хрустнули, но лицо... моё лицо сейчас было моей лучшей визитной карточкой. Пропитое, небритое, с глазами человека, которому нечего терять.

— Эй, быстро съебались отсюда, — громко сказал я, подходя вплотную. — У вас три секунды, чтобы испариться, пока я не решил натянуть ваши глаза на ваши задницы. Время пошло.

Главный из них обернулся, готовясь выдать дерзость. Но он наткнулся на мой взгляд. Я смотрел на него не как взрослый на ребенка, а как хищник на добычу. Я выдал короткую, но убойную тираду на их же языке, плотно утрамбовав туда столько маргинальной грязи и мата, что спесь с пацана слетела в ту же секунду.

Дважды повторять им не пришлось. Они сорвались с места, как ошпаренные. Мелкий пацан стоял, часто дыша, глядя на меня как на какое-то пугающее божество.

— Вали домой, — буркнул я, возвращаясь к банке. — И не смей быть добрым с такими ублюдками. Доброта — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить.

Пацан кивнул и исчез. Я снова сел на лавку. Руки тряслись уже не от похмелья. Я только что спас самого себя, опоздав

при этом на двадцать три года.

ГЛАВА 2

Две банки пива были лишь аперитивом, лёгкой прелюдией к настоящему реквиему по моей карьере. Оставлять вечер на этой ноте было бы преступлением против моей религии саморазрушения. Ноги сами несли меня в «Ржавый гвоздь» — заведение, которое имело удивительную способность собирать под своей крышей всех, кто не вписался в поворот этой жизни.

Там не было неоновых вывесок и крафтового лимонада. В «Гвозде» пахло старым деревом, пролитым виски и безнадёгой. Идеальное место для такого человека, как я.

Я толкнул дверь. Колокольчик над ней звякнул так жалобно, будто просил меня уйти, пока не поздно. За стойкой сидел старый Хромой — человек, который, кажется, застал ещё те времена, когда AC/DC считались опасными смутьянами, а не классикой для торговых центров.

— Налей мне чего-нибудь крепкого, Хромой, — буркнул я, приземляясь на высокий стул. — Такого, чтобы выжгло остатки мыслей о треклятой работе и моём грядущем финансовом некрозе.

— Опять уволили? — Хромой не спрашивал, он констатировал факт, выставляя передо мной поцарапанный стакан.

— Я сам ушёл. В облаке дыма и под аккомпанемент взры-

вающегося макбука. Это было почти искусство.

Я опрокинул стакан. Жидкость прошла по пищеводу как наждачная бумага, приятно согревая пустоту внутри. Мир за окном продолжал катиться к чертям, а здесь, в полумраке, был мой личный ад. Место, где за косой взгляд можно сразу схлопотать в морду. Это было лучше, чем корпоративная этика.

— Слышь, Артём, — Хромой наклонился ко мне, понизив голос до хриплого шёпота. — Тут один тип тебя спрашивал. Говорит, знает тебя.

Я медленно повернул голову. В углу бара, за самым тёмным столиком, сидел человек в пальто, которое стоило дороже, чем вся мебель в этом зале. Он не пил пиво. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде не было ни капли той тупости, от которой я бежал весь день.

— Сомнительные авантюры — мой профиль, — усмехнулся я, чувствуя, как внутри просыпается неподдельный интерес.

Я встал и направился к угловому столику. Это определённо было приключение. И, судя по запаху дорогого табака, оно обещало быть куда интереснее, чем бесконечные экселевские таблицы.

Я опустил на скрипучий стул напротив незнакомца.

— Меня зовут Виктор.

Его пальто в этом гадюшнике смотрелось как картина Дали в общественном туалете — вызывающе и неуместно. В

его глазах зажётся тот самый лихорадочный, почти завистливый блеск, который бывает у людей, имеющих всё, кроме главного — умения чувствовать себя живым.

— Ты меня не знаешь, — начал он, и в его голосе прорезалась интонация отличника, который пришёл просить списать контрольную.

— Знаю таких, как ты, — перебил я, не давая ему начать заготовленную речь. Мне было плевать, откуда он вылез. — Тебе чего?

Он замялся, поправляя идеально чистые манжеты. Было видно, что каждое слово даётся ему с трудом, как будто он переступает через свою гордость.

— Я пришёл, потому что мне нужен совет, — начал Виктор. Он сидел ровно, но пальцы слишком крепко сжимали стакан. — Или, скорее, взгляд со стороны. От человека, который... скажем так, был на моём месте.

Я стряхнул пепел на пол. Разговоры по душам с мужиками в дорогих часах в мои планы на вечер не входили.

— Если у тебя не стоит или наоборот стоит на меня — ты ошибся адресом. Я не по этой части.

Виктор усмехнулся, но как-то криво, одними губами.

— С этим всё в порядке. Проблема в женщине. Я сейчас встречаюсь с твоей бывшей, как бы это странно ни звучало.

Вот теперь внутри у меня действительно что-то коротнуло. Я медленно затянулся, разглядывая этого холёного хмыря. Надо же, а мир ещё теснее и грязнее, чем я думал.

— С кем именно, если не секрет? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал максимально безразлично. У меня было достаточно бывших, чтобы не угадывать с первой попытки.

— Это не имеет значения, — отрезал Виктор, качнув головой. — Суть в другом. Пару дней назад мы крупно поссорились. И она выдала мне, что я скучный. Правильный, предсказуемый и пресный. А потом добавила, что до меня у неё был редкий мерзавец и пьяница, но с ним она хотя бы не засыпала от тоски. Пошарив в её соцсетях и фотографиях, я наткнулся на ваши фото. И на твоё имя.

Я внутренне хмыкнул. Ну надо же, оставил след в истории. Приятно, чёрт возьми. Хотя и отдаёт дерьмом.

— И ты пришёл набить мне морду? — я прикинул расстояние до его носа.

— Нет. Я нанял человека, узнал, где ты бываешь, и пришёл посмотреть на этого неотразимого бомжа. — Виктор залез в карман, достал плотную пачку купюр и небрежно положил на стол. — Тут пятьдесят тысяч. Мне нужно понять, что в твоей голове. Научи меня... я не знаю, быть попроще. Поучи меня своему пофигизму, что ли. Покажи, как выключать эти грёбанные тормоза.

Я посмотрел на пятитысячные бумажки. Пятьдесят штук. После того как я утром разнёс офис и остался без работы, это были самые лёгкие и вовремя подвернувшиеся деньги в моей жизни. Побывать тренером по похмельному пофигизму для мажора? Да не вопрос.

— Хромой! — крикнул я бармену. — Повтори нам. И не жале́й виски, господин оплачивает банкет.

Я сгрёб деньги в карман джинсов и повернулся к Виктору.

— Прави́ло первое, друг мой. Забудь слово «научи». Пофигизм — это не высшая математика. Это когда тебе тупо плевать на то, что о тебе подумают. Допьём это пойло, а завтра я сделаю из тебя человека.

Виктор посмотрел на меня, и в его глазах впервые промелькнуло что-то похожее на азарт. Он молча поднял свой стакан, осушил его, поднялся и направился к выходу.

— Ну или сам допью, — пробурчал я себе под нос, заливая остатки виски в себя.

Изрядно нажравшись, я вывалился из «Ржавого гвоздя» в липкую ночную прохладу. Башка гудела от виски и объёма свалившегося за день дерьма, а в кармане приятно давила пачка пяти́тысячных. Мозг требовал окончательно заглушить мотор. Любым способом. Даже если для этого придётся использовать другое тело.

Квартира встретила меня запахом ароматических свечей и какой-то девчачьей херни. Кажется, её звали Света. Или Юля? Мне было плевать. Она не спала. Сидела на кухне, перебирая свои дурацкие карты Таро, и в лунном свете её лицо казалось почти ангельским. Какая ирония.

— Пришёл? — тихо спросила она, не оборачиваясь. — У тебя сегодня ретроградный Меркурий, я видела по звёздам, что день будет тяжёлым...

Я не стал слушать. Я подошёл сзади, грубо схватил её за плечи и развернул к себе. В моих глазах не было страсти — там была только пустота, которую нужно было чем-то заполнить.

Это был не секс. Это была попытка самодепортации из реальности. Жёсткая, механическая работа плоти. Я вжимал её в матрас, слушая её сбивчивое дыхание. Она шептала что-то нежное, пыталась обнять меня, но я уворачивался от её рук, как от ударов. Мне не нужна была её нежность. Мне нужно было трение, пот и усталость, которая в конце концов вырубит мой мозг.

Когда всё закончилось, я просто отвалился в сторону, глядя в потолок. Она лежала рядом, пытаясь восстановить дыхание, и, кажется, плакала. Тихий, раздражающий звук.

— Я вызову тебе такси, — бросил я, не глядя на неё. — Я хочу спать.

Я проводил её, упал на кровать и закрыл глаза. Завтра будет утро. Завтра будет Виктор. И завтра будет боль, но уже другого рода — та, которую можно потрогать руками.

ГЛАВА 3

Утро началось с того, что мой мозг попытался катапультироваться через глазницы. Я стоял под ледяным душем, смывая с себя вчерашний виски и остатки чужих духов. Сегодня стартовал мой платный курс ускоренной деградации для Виктора.

Я набрал его номер.

— Оставь своё чёртово пальто дома, Витя. Надень что-то, в чём тебя не жалко будет выкинуть в мусорный бак. Старые джинсы, растянутую майку или балахон. И возьми капю. Если нет — купи.

Через час он стоял у моего подъезда. В своём «простом» прикиде он выглядел как модель из каталога «одежда для бедных от Гуччи», но это было уже лучше. Мы поехали в промзону — туда, где за ржавыми воротами ангара не действовали законы о защите прав потребителей.

— Куда мы? — спросил он, нервно поправляя капюшон.

— Туда, где твой шмот и бабки не значат ровным счётом ничего, — ответил я, чувствуя, как предвкушение драки начинает потихоньку вытеснять похмелье. Или всё-таки подействовало пиво, которое я влил в себя сразу после душа. — Подпольный бойцовский клуб, Витя. Ну, точнее — место, где мужики ломают друг другу носы за копейки. Ника-

ких правил, никаких твоих чистых манжет и вежливых улыбок. Только ты, твой страх и чей-то кулак, летящий тебе в челюсть. Если хочешь перестать быть пресным и предсказуемым, начни с простого: не закрывай глаза, когда тебе бьют морду.

Внутри ангара было душно и пахло так, будто здесь годами варили адреналин вперемешку с грязными носками. Освещение — пара прожекторов, выхватывающих из темноты ринг, сколоченный из паллет и обтянутый старым брезентом. Вокруг — человек тридцать. Никаких воротничков, никакой корпоративной хуйни. Только тертые жизнью мужики, которые пришли сюда за тем же, за чем и я — просто выплеснуть ярость на этот мир. Без причин, без лозунгов, без надежды на ответ. Просто потому, что накопленная внутри желчь требовала выхода.

Виктор рядом со мной втянул голову в плечи. Его «простые» джинсы всё равно кричали о своей цене в пятьдесят тысяч, и пара местных парней уже лениво ощупывали его взглядами, прикидывая, насколько быстро он упадёт.

— Здесь не спрашивают имя, — негромко сказал я, направляясь к типу, принимавшему ставки. — Всем плевать, кто ты. Главное — готов ли ты получить пиздюлей, ну или выдать их, чтобы наконец прийти в себя.

Я бросил на стол две помятых пятихатки: — Двое.

Тип за столом мазнул по Виктору взглядом, в котором читалось то ли искреннее сочувствие, то ли подсчёт будущей

прибыли. Стоявший рядом бритоголовый охранник ухмыльнулся, сплюнув на бетонный пол.

— Твой протеже? — хрипнул кассир, лениво чиркая что-то в тетради. — Ты его на убой привёл или чисто поржать? Выглядит так, будто он сознание потеряет от одного запаха в этом зале.

— Он оплачивает моё похмелье, — ответил я. — А это даёт ему право как минимум на один нокаут.

Я обернулся к Виктору. Он выглядел как человек, которого ведут на плаху: лицо бледное, но из-под капюшона он смотрел упрямо. В глубине его зрачков металось что-то похожее на предсмертный азарт.

— Доставай свою капу, — сказал я. — Сейчас я выйду первым. Смотри внимательно, как быстро из человека вылетает вся лишняя херня. Когда тебя ломают, остаётся только одно — тупо не упасть.

Я скинул куртку и футболку. Моё тело покрывало огромное количество небольших татуировок, набитых по пьяни, и такое же количество шрамов. На сквозняке кожа сразу покрылась мурашками. Я запрыгнул на ринг. Против меня вышел тип, похожий на глухого неандертальца: квадратная челюсть, сломанный нос и тяжёлый, пустой взгляд мясника, который привык работать за копейки.

— Давай, — прошептал я себе под нос, чувствуя, как пиво в желудке превращается в напалм. — Мне нужно вспомнить, что я ещё здесь.

Первый удар не заставил себя ждать и прилетел мне точно в скулу. Тяжёлый, тупой, пахнувший сырым мясом. В голове вспыхнула сверхновая, а металлический привкус во рту мгновенно вытеснил утреннее пиво. Мир качнулся, бетонный пол ангара на секунду стал вертикальным, но я устоял.

Мой оппонент, массивный шкаф с кулаками размером с мою голову, нахмурился. Он ждал, что я согнусь или хотя бы начну закрываться. Вместо этого я сплюнул кровь ему на ботинок и широко, окровавленно улыбнулся, сквозь силу разлепляя челюсть.

— И это всё? — прохрипел я, чувствуя, как рот наполняется кровью. — Втащи мне так, будто я — тот самый тип, который спит с твоей матерью за еду. Покажи мне ярость, а не этот твой нежный петтинг.

Он взревел и выдал серию. Один в корпус — точно в солнечное сплетение. Воздух мгновенно покинул лёгкие, оставив после себя жгучую пустоту. Второй — в челюсть. Моя голова мотнулась назад, и я отчётливо услышал звон в ушах, похожий на финальный аккорд в песне, которую некому дослушать.

Я попятился, пытаюсь нащупать границы импровизированного ринга, чтобы не рухнуть. Хмель улетучивался из крови, сгорая в огне физической боли. Это было именно то, что нужно. Полное обнуление системы.

— Слабо, урод, — выдавил я сквозь смех, который больше напоминал предсмертный хрип курильщика. — Моя бывшая

била техничнее. Давай ещё! Выбей из меня это утро. Выбей из меня всё!

Он бил методично, тяжело. Я не блокировал — я просто старался не падать слишком быстро. В какой-то момент я увидел Виктора. Он стоял у самого края, бледный как полотно, вцепившись пальцами в собственные бёдра так, что костяшки побелели. В его глазах был не просто ужас — там был экзистенциальный шок. Он смотрел на то, как разрушается человек, и не понимал, почему этот человек при этом смеется.

Очередной хук прилетел точно в подбородок, наглухо рассекая нижнюю губу. Я почувствовал, как теплая густая жидкость заливает рот. В глазах полыхнуло, ноги мгновенно превратились в вату. Колени подогнулись, и я рухнул на брезент.

Я лежал на спине, глядя в тёмный потолок ангара. Проекторы слепили, превращаясь в нимбы над головами собравшихся вокруг мужиков. Я захлёбывался собственной кровью, смешивая её со смехом, который пузырился на губах. Мне было чертовски хорошо. В этот момент не существовало ни увольнения, ни макбуков, ни этого проклятого Меркурия. Была только пульсирующая боль и ясное понимание: я живой. Я всё ещё её чувствую.

— Эй, Принцесса... — прохрипел я, пытаюсь сфокусировать взгляд на мажоре, когда верзила отошел в сторону, потеряв ко мне интерес. — Иди сюда... Твоя очередь. Капу... не забудь.

Я протянул к нему руку, оставляя на его идеально чистых штанах широкую кровавую полосу.

— Хватит дрожать, а то корона упадет прямо в это дерьмо. Помоги мне встать и тащи свою напудренную задницу на ринг. Настало время проверить, есть ли под твоими джинсами хоть какое-то подобие члена или только слишком огромный клитор.

Виктор сглотнул, лицо его из бледного стало землистым. Но назад не сдал. Он судорожно стянул через голову свой балахон, бросив его прямо на пыльный пол, достал из кармана штанов запечатанную капу и кое-как запихал её в рот. Я с трудом перевалился через канаты и сполз на край паллет, освобождая место. Моя голова трещала, а перед глазами всё ещё плясали багровые круги.

Местный рефери махнул рукой, вызывая следующего. Против Виктора вышел приземистый, плотно сбитый мужик в застиранной, серой тельняшке. У него были тяжёлые кулаки работяги и скучающий взгляд человека, который пришёл сюда просто выпустить пар после смены.

Виктор попытался встать в какую-то стойку из роликов на Ютубе — выставил левую руку, пригнул подбородок. Выглядело это красиво, но абсолютно бесполезно. Мужик в тельняшке даже не стал прощупывать дистанцию. Он просто сделал шаг вперёд и наотмашь, с колена, врубил короткий, страшный правый боковой точно в челюсть мажору. Раздался глухой, хлёсткий стук, будто полено ударило в сухое дере-

во. Виктор даже не успел понять, что произошло. Его глаза мгновенно закатились, ноги подкосились, и он плашмя рухнул на брезент.

Виктор лежал неподвижно, и на секунду мне показалось, что мужик в тельняшке слегка переборщил. Вокруг ринга повисла ленивая тишина — здесь никого не удивляли нокауты, но лишние проблемы с ментами никому тут были не нужны.

Я подошёл к краю паллет и вылил остатки теплой воды из своей бутылки прямо на лицо Виктору. Он дернулся, захлебнулся воздухом и резко сел, безумно озираясь по сторонам. Из его рта вместе со слюной вылетела капля, глухо стукнувшись о брезент.

— Тише, тише, чемпион, — я присел на корточки рядом, не обращая внимания на то, как мир перед глазами всё ещё плывет. — Твой триумф окончен. Ты только что установил рекорд клуба по самому быстрому нокауту.

Он попытался сфокусировать взгляд на мне. Глаза были стеклянными, зрачки никак не могли поймать фокус, а на подбородке уже расцветала багровая гематома. Он коснулся челюсти, охнул и посмотрел на свои пальцы, испачканные в пыли и крови.

— Я... я его ударил? — прохрипел он, пытаясь обрести достоинство, которого у него сейчас было меньше, чем у одноразового стаканчика.

— Ты героически принял его кулак своим лицом, Витя.

Это тоже своего рода контакт, и даже в какой-то мере половой, — я улыбнулся сквозь ещё ноющие губы и скулы, протянул ему руку и рывком поставил его на ноги.

Виктора качнуло. Он вцепился в моё плечо, и я почувствовал, как его мелко трясет — не то от шока, не то от выброса адреналина, который фатально опоздал к началу боя. Он оглядел ангар, потных мужиков, подпольного букмекера на входе, который уже пересчитывал деньги, и внезапно как-то странно, надтреснуто выдохнул.

Я потащил его к выходу. Виктор шел на негнущихся ногах, спотыкаясь о каждую неровность, но он не ныл. Он молчал, и это молчание было мне симпатично гораздо больше, чем весь его треп.

ГЛАВА 4

Двери ангара закрылись за нашей спиной, отрезав гул и запах пота. Ночной воздух промзоны показался почти стерильным. Машины не было. До ближайшей цивилизации — пара километров по битому асфальту и гаражным кооперативам.

Я закурил, глядя на то, как Виктор пытается не упасть в первую же лужу. Его балахон был безнадёжно испачкан в брезентовой пыли, а вид в целом напоминал жертву кораблекрушения, которую выбросило на берег не в том районе.

— Ну что, — я выпустил струю дыма. — Испытал что-то, помимо чувства, что вот-вот блеванёшь и обделаешься одновременно?

Виктор ничего не ответил. Он только осторожно потрогал быстро опухающую челюсть и поправил рукав. Мы брели через тьму, сопровождаемые лишь далёким лаем собак и гулом железной дороги, пока не наткнулись на круглосточный ларёк, одиноко мерцающий синюшным светом среди серых коробок.

Я постучал в мутное окошко.

— Будьте добры, четыре банки пива и пачку «Мальборо».

Продавщица со вздохом поднялась со стула. Она неспешно полезла в холодильник, который явно ничего не охла-

ждал, а только создавал лишний шум. Выдала мне выпивку, пачку сигарет и брезгливо забрала пожёванные купюры.

Забрав жестянки, мы отошли к покосившемуся бетонному парапету неподалеку. Я вскрыл одну — хлесткий щелчок рвущегося металла разорвал тишину промзоны.

— С первым причастием, — я протянул ему банку. — Пей. Это поможет не сдохнуть от жалости к себе прямо здесь.

Виктор взял пиво. Его руки всё ещё заметно дрожали, а кольцо на безымянном пальце, стоившее как этот ларёк вместе с персоналом, нелепо блеснуло в свете фонаря. Он сделал долгий глоток теплой жижи, поморщился, когда алкоголь коснулся разбитой губы, и уставился в пустоту.

Первую банку он приговорил на удивление быстро. Алкоголь и пережитый шок подействовали мгновенно — Виктора повело, взгляд стал слегка блуждающим. Я молча вскрыл оставшуюся пару банок и протянул ему следующую. С непривычки к дешёвому пойлу его язык начал понемногу заплетаться.

— Это была моя первая драка, — вдруг сказал он. Голос был тихим и каким-то надломленным. — Совсем первая. Знаешь, каково это — дожить до тридцати и ни разу не получить по лицу? Это как смотреть фильм про войну из VIP-ложи. Ты видишь взрывы, но от тебя пахнет только попкорном. А сейчас у меня рот полон крови, челюсть ноет, и меня штормит от этого дешёвого пива. Но мне, блять, хорошо.

Он повернулся ко мне. Половина лица у него уже заметно заплывала, превращаясь в багровую гематому.

— Слушай... а тебе-то это зачем? — Виктор шмыгнул носом, разглядывая банку. — Ну, этот ангар, уроды эти... Ты же не гопник. Нормально же соображаешь. На хера тебе сдался этот трэш? Тебе нравится, когда тебя калечат?

Я выпустил густое облако дыма в сторону синюшного ларька.

— Чтобы в башке всё затыкалось, — сказал я, прихлёбывая тёплое пиво. — Когда тебе летит кулак в челюсть, ты не думаешь про долги, про бывших или про то, что твоя жизнь катится в задницу. Мир сужается до одного конкретного момента. Никакого подтекста и двойных смыслов. В твоём мире вы можете годами друг друга душить вежливыми улыбками, контрактами и судами. А тут тебе втащили — и сразу всё понятно. Никакого лицемерия, просто кусок мяса встретился с другим куском мяса. Дешёвая перезагрузка для мозгов.

Виктор замолчал, тупо глядя на пустую жестянку в своей руке, а потом резко мотнул головой, будто принимая решение. Пиво окончательно развязало ему язык.

— Пиво из ларька — это хорошо, — он пьяно усмехнулся. — Но мне кажется, сегодня я хочу нажраться. Поехали ко мне? У меня дома виски есть нормальный, со льдом. Посидим.

Он достал айфон с треснувшим после падения на ринге экраном и стал тыкать пальцем в приложение. Я лишь кив-

нул. Отказываться от хорошего алкоголя я не собирался, да и внутри шевельнулось чистое любопытство — хотелось посмотреть, как живёт этот мажор, и ради кого он вообще добровольно пошёл хавать грязь на ринге.

Через десять минут к разбитому бордюру подкатила машина. Водитель, увидев наши разукрашенные физиономии, только тяжело вздохнул, но спорить не стал. Мы запрыгнули в салон.

В машине пахло чистотой, которую мы мгновенно разбавили кислым шлейфом дешёвого пива и перегара. Наконец мы затормозили у стеклянной башни. Консьерж в вестибюле на мгновение завис, но Виктор молча мазнул картой по терминалу, и мы прошли к лифтам, оставляя на светлом мраморе мутные следы грязи.

Лифт поднял нас на сороковой этаж. Пентхаус встретил огромной, гулкой пустотой. Сквозь панорамные окна в пол, город отсюда казался игрушечным.

— Располагайся, я сейчас принесу виски, — пробормотал Виктор, направляясь в сторону кухни.

— Мне нужно умыться, — бросил я вдогонку и пошёл по длинному коридору в поисках ванной.

Коридор был широким, с мягкой скрытой подсветкой. Стены пахли свежей краской и дороговизной, на них висели какие-то безликие абстрактные картины. Примерно на полпути у стены стоял длинный консольный столик из тёмного мрамора. На нём, рядом с тяжёлой дизайнерской вазой, ак-

куратно выстроились в ряд три или четыре минималистичные рамки.

Я замер. На центральном снимке была его нынешняя — моя бывшая, имя которой он не хотел мне говорить. Ева.

Те же чуть прищуренные глаза, та же едва заметная, издевательская улыбка, от которой у меня когда-то срывало крышу. Она стояла на фоне какого-то европейского собора, обнимая сияющего Виктора.

В горле пересохло, а в ушах снова зашумело, как от удара на ринге. Женщина, из-за которой этот мажор сходил с ума, женщина, которая сравнивала его со мной и ломала его жизнь — это была Ева. Единственная, кто когда-то вывернул меня наизнанку. Так вот почему этот идиот разыскал именно меня.

Я вглядывался в её лицо ещё несколько секунд, чувствуя, как глупая ухмылка сама собой ползёт по моим губам. Потом глубоко вдохнул, заставляя лицо вернуть привычное безразличное выражение, и толкнул тяжёлую стеклянную дверь в конце коридора.

Ванная комната размером с мою хрущёвку встретила меня блеском хрома и огромных зеркал. Я подошёл к раковине, включил холодную воду и стал смывать с лица засохшую кровь. Нижняя губа раздулась и прилично ныла, но ледяная вода помогала не только смыть грязь, но и уложить в голове то, что я только что узнал.

Я вытер лицо белоснежным пушистым полотенцем, мгنو-

венно испачкав его багровыми разводами, и вышел в гостиную.

Виктор уже сидел в кресле, баюкая в руках тяжёлый хрустальный графин и два стакана. Он был уже прилично пьян, видимо осушил один стакан пока я умывался, его взгляд блуждал, и он даже близко не сообразил, что я только что прошёл через коридор, где прямо на виду выставлена его семейная жизнь. Ему было просто не до этого.

Я прошёл к запредельно дорогому белому дивану и рухнул на него, не снимая куртки.

— У тебя тут как в операционной, — прохрипел я, пристально наблюдая за ним. — Жить-то здесь можно или только смотреть и не трогать?

Виктор молча протянул мне тяжёлый стакан, в котором глухо звякнул лёд.

— Зуб, сука, шатается, — пробормотал он, осторожно прикладывая ладонь к челюсти. — Пить больно.

Виски был чертовски хорош — мягкий, дымный, обжигающий именно там, где надо. Глухая мышечная боль во всём теле после ринга начала понемногу отступать, растворяясь в дорогом спирте. Я откинулся на спинку дивана, разглядывая золотистую жидкость сквозь хрусталь.

— Ладно, хорош киснуть, — я посмотрел на него в упор. — Давай прямо. На хера ты меня выцепил? Ты же явно не для того нанял меня, чтобы просто получить по роже в промзоне.

Виктор долго молчал, тупо катая кусок льда по дну стакана. Его взгляд окончательно поплыл от алкоголя и пережитого шока.

— Из-за женщины, как я и сказал, — хрипло выдавил он, криво усмехнувшись разбитыми губами. — Банально, да? Всё есть, Артём. Квартира, тачки, бабки. А её рядом нет. То есть физически она здесь, но смотрит сквозь меня, как на пустое место. Хоть ты тресни.

Я пригубил виски, удерживая глухую, жёсткую ухмылку. Маска безразличия сидела как влитая, хотя внутри всё уже работало на пределе.

— И при чём тут я? — спросил я максимально равнодушно.

— Она как-то спьяну проговорилась, — Виктор прижал стакан со льдом к опухшей щеке, но тут же поморщился и сделал быстрый, короткий глоток, стараясь не задевать зубы. — Про парня из своего прошлого. Говорила, нищеврод был, ни копейки за пазухой, вечно бухой или побитый. Но вспоминала его с таким видом... Короче, они как-то всю ночь проторчали на крыше всратой девятиэтажки. Пили какую-то дешёвую херню из пластиковых стаканов, курили одну на двоих и трепались до утра. И она сказала, что ей тогда было хорошо. Просто хорошо, понимаешь? Без всей этой мишуры.

Виктор горько хмыкнул, вновь трогая свою челюсть.

— Я возил её в Париж. Снял ресторан, думал, удивлю. А

она сидела там с вежливой улыбкой, но я же видел, что мыслями она на той вашей сраной крыше. С тобой, Артём. С тобой. Я ведь поэтому тебя и нашёл. Вывернул её прошлое, узнал, как тебя зовут, где ты обитаешь... Мне просто нужно было увидеть придурка, который умудрился оставить в ней такой след, что ни один мой рубль его не перекроет. Думал, если найму тебя, если влезу в твой мир и испачкаюсь в этой грязи, то поймаю её волну. Пойму, чего ей со мной не хватает. Какая же хуйня. Идиот.

Я слушал его пьяный бред, и тепло от виски в груди окончательно превратилось в злой, холодный триумф. «Разговоры до утра», значит.

Перед глазами всплыла та ночь. Пыльный рубероид, от которого пахло раскаленным за день солнцем. Дешевый портвейн и теплое пиво. Мы действительно много говорили. Но она не рассказала ему, как мы, задыхаясь от этой свободы, вжимали друг друга в бетон. В этой истории не было места пафосу, присущему богачам и мажорам вроде Виктора — там была только дикая, первобытная тяга, замешанная на безнадее.

Она скормила ему красивую сказку про «разговоры о вечном», оставив самое горячее и грязное внутри себя. Как секрет, который нельзя доверять никому.

— Крыши — это просто крыши, — сказал я, глядя на стакан в своей руке. — Только воздух там всегда кажется чище, чем на земле.

— Расскажи, о чем вы тогда говорили? — Он посмотрел на меня с такой надеждой, что мне почти стало его жаль. Почти.

Я посмотрел на свои сбитые костяшки, потом перевёл взгляд на идеальную чистоту его пентхауса.

— Дело не в словах. Секрет в том, что нам тогда нечего было терять. Нам тогда было насрать на всё. Эту ночь нельзя купить, потому что в ней не было безопасности. Была только высота и дурь в голове.

Я допил виски одним глотком.

— Наливай лучше. Кажется, нам обоим надо вырубиться.

Мы допивали практически молча. В какой-то момент голова Виктора плавно опустилась на спинку кресла. Стакан опасно наклонился в его руке, и я едва успел перехватить его, прежде чем виски украсил бы дизайнерский ковер.

Я осушил залпом его стакан — не пропадать же добру — и посмотрел на этого парня. Раздутая щека, фиолетовый глаз. Он хотел попробовать стать мной — он получил такой шанс. Пусть спит. Завтра он проснется в своём огромном пентхаусе с адской головной болью и поймет, что мир не изменился.

Я накинул куртку и пошёл на воздух. Лифт бесшумно спустил меня вниз. Консьерж проводил меня взглядом как привидение.

Три часа ночи. Город вымер. Ночной холод сразу протрезвил забитые на ринге мышцы, но это было даже приятно. Хмель ещё шумел в голове, мешаясь с дымным привкусом

дорогого алкоголя.

Я решил идти пешком. До моего района было часа полтора хода. Я шёл по пустым тротуарам, мимо серых коробок многоэтажек. В кармане лежала пачка «Мальборо», а в груди всё ещё пульсировало то приятное ностальгическое воспоминание.

Она помнит ту крышу. Помнит запах рубероида и то, как я вжимал её в бетон. Она живет в пентхаусе, ест в Париже, но спит — всё ещё там, со мной.

Я закурил, остановившись на мосту. Глядя вниз на чёрную, маслянистую воду, я улыбнулся разбитыми губами.

— Спи сладко, Ева, — прошептал я в пустоту ночи, бросил окуроч в реку и зашагал дальше, в сторону своих панелек, где меня ждал пустой холодильник, продавленный диван и моя сумасшедшая жизнь. Которую ни один мажор никогда не сможет купить.

ГЛАВА 5

Утро было похоже на месть. Каждое движение отзывалось в ребрах болью, а разбитая переносица пульсировала в такт сердцебиению. Я открыл глаза и пару минут просто разглядывал трещину на потолке своей берлоги. Желтоватый след от протечки у соседей сверху напоминал карту какого-то забытого острова.

Вчерашний пентхаус казался галлюцинацией. Здесь, в моём клоповнике, пахло пылью, несвежим бельем и дешевым растворимым кофе. Я с трудом сел на кровати, чувствуя, как вчерашний коктейль из виски и адреналина осел в костях тяжелым свинцом.

На кухонном столе валялась пачка «Мальборо» и пустая банка из-под пива, которую я осушил вчера после душа. Я щёлкнул зажигалкой, затянулся и поморщился от того, как дым обжег разбитую губу. Сигарета мгновенно прилипла к запекшейся крови, и отрывать её было чертовски неприятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.